

КОСМИЧЕСКАЯ И ИЗБЯНАЯ ЛИТУРГИЯ В ЛИРИКЕ ЕСЕНИНА

Валерий Лепяхин

(Lepahin Valerij, József Attila Tudományegyetem, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Прежде чем обратиться к лирике Есенина, необходимо хотя бы вкратце, в общих чертах сказать о том, что понимается под выражением "космическая литургия". Мироздание, согласно христианской онтологии — учению о бытии — носит двуединый характер. "В начале сотворил Бог небо и землю" (Быт. 1:1). В святоотеческом Предании "небо" понимается как мир невидимый, в котором обитают ангелы и другие чины небесных сил; "земля" же трактуется как видимый мир, доступный непосредственному человеческому восприятию. Бог сотворил мир исключительно по своей благодати, сотворил не для Себя, а для человека, и – Бог сотворил мир по законам красоты как великий Художник (см. Евр. 11:10). Между двумя мирами – видимым и невидимым – не было непроходимой пропасти, мир был двуедин: Адам говорил с Богом. Первозданный мир был совершенен, в нем, как и в человеке, не было зла. Все необходимое для человека природа давала ему в изобилии и безвозмездно. Это установленное Богом равновесие между Творцом и творением, миром видимым и невидимым, природой и человеком было нарушено грехопадением, которое имело космические последствия: весь видимый мир был заражен грехом. Бог говорит Адаму: "...Проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей. Терния и волчцы произрастит она тебе..." (Быт. 3:17–18). Человек стал причиной искажения природы, и положение усугубляется тем, что природа без человека не может вернуться к Богу, преобразиться, обрести изначальную красоту и совершенство. Как пишет апостол Павел, "вся тварь совокупно стенает и мучится донныне" (Рим. 8:22). Природа с надеждой смотрит на человека, ведь спасение человека

означало бы спасение всей твари. И как в человеке, сотворенном по образу и подобию Божию, в грехопадении не был утерян этот образ, но лишь затемнен, так и в природе осталась красота, которая, несмотря на свою ущербность и некоторую дисгармонию, все же способна свидетельствовать о своем Творце, о Его величии и своем былом совершенстве.

Об этом нам говорит уже Ветхий Завет, особенно часто Псалтырь: "Небеса проповедают славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь" (Пс. 18:1-2); подобные стихи находим в псалмах 65, 96, 135; целиком этой теме посвящен 103-й псалом. Но наиболее возвышенно тема эта развивается в следующем псалме:

"Хвалите Господа с небес,
хвалите Его в вышних,
Хвалите Его, все ангелы Его,
хвалите Его, все воинство Его,
Хвалите Его, солнце и луна,
хвалите Его, все звезды света,
Хвалите Его, небеса небес
и воды, которые превыше небес,
Да хвалят имя Господа,
ибо он повелел и сотворились,
Поставил их на веки и веки;
дал устав, который не прейдет,
Хвалите Господа от земли,
великие рыбы и все бездны,
Огонь и град, снег и туман,
бурный ветер, исполняющий слово Его,
Горы и все холмы,
деревя плодоносные и все кедры,
Звери и всякий скот,
пресмыкающиеся и птицы крылатые..."
(Пс. 14:1-10).

Как явствует из этого псалма, славословят и восхваляют Творца оба мира – видимый и невидимый, все стихии, животные

и растения, небо и звезды. Все и вся благодарит Творца за то, что Он призвал творение из небытия к бытию и дал нерушимый "устав" – мировые законы.

Этот мотив явственно звучит в самой древней православной Литургии апостола Иакова в одной из священнических молитв: Бога и Владыку воспевают "небеса и небеса небес, и вся силы их, солнце же и луна, и весь звездный лик, земля, море, и вся, яже в них, Иерусалим пренебесный..." (3, с. 38).

В "Апостольском Предании" (III в.) в главе, объясняющей, в какие часы и почему молятся христиане, говорится, что по древнему (для III в.) преданию в полночь все творение Божие (звезды, растения, воды, ангелы и др.) останавливаются на миг, чтобы воздать общую совместную хвалу Богу; и человек также призывается прервать сон, встать в этот час хотя бы на краткую молитву (см. 10, т. 5, с. 105).

Новый Завет развивает тему Вселенной – свидетельницы о Боге; тут можно напомнить известные слова апостола Павла: "...Невидимое Его (Бога), вечная слава Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы..." (Рим. 1:20).¹ Мир, даже "лежащий во зле", находящийся в грехопадении, несмотря на это, свидетельствует о своем Творце и невидимо служит Ему.²

Достоевский устами старца Зосима говорит: "Всякая-то трав-

---

¹ Преподобный Максим Исповедник так комментирует эти слова апостола: "...Весь мир сущих, получивший начало от Бога, делится на умопостигаемый мир, образованный из умных и бесплотных сущностей, и на здешний мир, чувственный и плотский, который величественно соткан из многих видов и природ. И образ бытия нерукотворной Церкви мудро проявляется посредством этой рукотворной: горний мир в ней – словно алтарь, посвященный вышним силам, а мир дольний, предоставленный тем, кому выпала на долю жизнь чувственная, подобен храму... Для обладающих (духовным) зрением весь умопостигаемый мир представляется таинственно отпечатленным во всем чувственном мире посредством символических образов" (9, с. 159).

² Здесь мы не можем касаться вопроса о двойственности мира, его соучастии в "тайне беззакония", его подвластности "князю мира сего", – это особая тема, которая увела бы нас от главной.

ка, всякая-то букашка, муравей, пчелка золотая, все-то до изумления знают путь свой, не имея ума, тайну Божию свидетельствуют, непрерывно совершают ее сами... Ибо все совершенно, все, кроме человека, безгрешно, и с ними Христос еще раньше нашего... Ибо для всех Слово, все создание и вся тварь, каждый листик устремляется к Слову, Богу славу поет, Христу плачет, себе неведомо, тайной жития своего безгрешно совершает сие" (5, т. 9, с. 369). Природа не забыла своего Творца, она благодарна Ему за то, что Он привел ее из небытия в бытие, дал ей жизнь, и она славословит Зиждителя, свидетельствует о Нем. "Мир ради человека сотворен, – пишет свт. Тихон Задонский, – но все в мире вещи суть как следы Божии, и свидетельствуют человеку о Боге, и суть как ручки, которые ведут человека к оному живому и живота Источнику... Создание благодати и любовь Божию к нам показывают нам, и научают нас Бога любить, хвалить и благодарить, яко Создателя и Благодетеля своего, а не себя к люблению представляют" (15, т. 5, с. 30). Природа по отношению к Творцу в некотором смысле встала даже, как у Достоевского, выше человека; потерпев из-за него наказание, она теперь делает все возможное, чтобы помочь человеку вернуться к Богу. Поэтому современный человек, наступая на природу, разрушая окружающую среду, "покоряя" природу или отгораживаясь от нее бетоном, сталью, асфальтом, стеклом, как бы отрезает себе один из возможных важнейших путей возвращения к Богу. Есенин это видел, чувствовал и с болью и сожалением писал:

"Как в смирительную рубашку,
Мы природу берем в бетон" (1, т. 1, с. 207).

* * *

Литургия, центральной частью которой является Евхаристия, есть важнейшее из семи таинств. Участвуя в нем, человек показывает свое желание вернуться к Богу тем, что приходит в храм (а храм, не умаляя всеприсутствия, вездесущия Божия, есть место Его

особого пребывания); тем, что участвуя в Литургии (в переводе с греческого это слово означает "общее дело"), возлагает на себя грех прародителей, как общий грех, и вместе с этим принимает жертву Спасителя, принесенную Им за всех людей; тем, что причащаясь Тела и Крови Христовой, таинственно соединяется с Богом и получает силу противостоять греху. Евхаристия – значит "благодарение", это благодарение Бога за Его голгофскую жертву, которая открыла перед человеком путь возвращения к Богу; благодарение – радостное хваление Бога за то, что Он пришел к падшей твари и своим всемогуществом предрешил конечное торжество добра.

И вот поскольку природа неразрывно связана с человеком и с надеждой смотрит на него, ожидая общего спасения, она стремится "принять участие" в богослужении. Очень наглядно и глубоко это изображено в одном из лучших стихотворений Пастернака "На Страстной":

"...И лес раздет и непокрыт
И на Страстях Христовых,
Как строй молящихся, стоит
Толпой стволов сосновых,

А в городе, на небольшом
Пространстве, как на сходке,
Деревья смотрят нагишом
В церковные решетки.

И взгляд их ужасом объят.
Понятна их тревога.
Сады выходят из оград,
Колеблется земли уклад:
Они хоронят Бога.

И видят свет у Царских Врат,
И черный плат, и свечек ряд,
Заплаканные лица –

И вдруг на встречу Крестный ход
 Выходит с Плащаницей,
 И две березы у ворот
 Должны посторониться" (13, с. 402–403).

Литургия как бы выходит из стен храма, приобретает космические масштабы. Вся Вселенная приносит покаяние за отпадение от Бога, выражает желание и стремление вернуться ко Творцу, к своей первоизданной чистоте и совершенству, благодарит и хвалит Его за благодать, милосердие и Промышление. Космос становится одним величественным храмом, в котором все творение совершает Евхаристию (благодарит), совершает Литургию (общее дело спасения).³

* * *

В отличие от тургеневского Базарова ("Природа не храм, а мастерская") у Есенина природа предстает именно храмом, даже с большой буквы. В "Ключах Марии" Есенин утверждает, что человек живет в "обстающем его Храме вечности" (1, т. 5, с. 190). Осознание этого факта, считает поэт, порождает веру, которая может принести мир на землю. У Н.Ф. Федорова, например, храм-церковь – это изображение мироздания, это проект "мира такого, каким он должен быть" (17, с. 491, см. также с. 563). И храм, и литургия перерастают у него земные масштабы и обретают – в результате сознательной деятельности объединенного человечества (и в этом специфика его философских идей) – космические измерения. Отношение к природе как к храму вообще характерно

---

³ В данном случае мы имеем в виду литургию и евхаристию в переносном смысле. Истинная Литургия и ее центр Евхаристия – Таинство преложения хлеба и вина в Тело и кровь Христову – возможны только в Церкви, в храме, на святом Престоле, на антиминсе с частицами мощей святых мучеников. Но природа, с одной стороны, независимо от человека служит Богу, с другой – "подключается" к храмовой литургии и своими средствами как умеет участвует в ней.

для русской поэзии. Вспомним опять Пастернака:

"Как будто внутренность собора –
Простор земли, и чрез окно
Далекий отголосок хора
Мне слышать иногда дано

Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою" (13, с. 453).

И Есенин может воскликнуть:

"Земля моя золотая!
Осенний светлый храм!" (1, т. 2, с. 48).

В этом храме человек живет, он ходит по нему и, чем внимательнее смотрит, тем больше замечает "храмового" в природе:

"Церквам у прясел
Рыжие стога" (1, т. 1, с. 78).

И действительно, стог даже по форме может показаться издали деревянной церквушкой. Обязательной приметой даже не пейзажа, а самой природы Святой Руси, духовным центром сокровенной жизни русского человека являются монастыри. Это как бы храм в Храме, который, как саму душу Руси, нельзя не любить. И потому:

"Полюбил я тоской журавлиной
На высокой горе монастырь" (1, т. 1, с. 68).

Богослужение начинается с колокольного звона, который напоминает людям о Боге, о вечной жизни, призывает человека в храм Божий, чтобы воздать благодарение и хвалу своему Творцу.

Но храм, построенный руками человека, и природа как храм, воздвигнутый Творцом, не отделены друг от друга непроходимой стеной:

"В дальних рощах аукает звон..." (1, т. 1, с. 97).

Колокольный звон призывает не только человека, но и всю природу прославить всемогущество Божие, Его благодать:

"Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля" (1, т. 4, с. 49).

Природа-храм откликается на этот призыв своим звоном. Это могут делать звезды:

"Молча ухает звездная звонница..." (1, т. 1, с. 169).

Но сигнал к началу праздничного богослужения могут дать и деревья:

"Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон" (1, т. 1, с. 76).

Чуткое ухо поэта слышит колокольный звон, исходящий и от травы, тогда:

"...Звенят родные степи
Молитвословным ковылем" (1, т. 1, с. 117).

У Есенина вообще вся земля, весь космос насыщены колокольным звоном: звонят облака, звонит все небо (небо – как колокол, месяц – язык; в колокол синий я месяцем бью, см. 1, т. 2, с. 49), звон слышится в пении ветра, который рассыпает "звонистую дробь", лес у поэта "взвенивает", звонят липы, "вызвани-

вают" ивы, тополя чахнут "звонно", зеленые луга – "стозвонны", борозды звонят рожью, звонит осока, звонят придорожные травы, глухари плачут "со звонами"; волны у поэта "перезваниваются", дожди – "звонистые", зимой звон – снежный; звонят копыта, звонят машущие крылья, звонят лампы, звонят кресты могил, звонят стропила крыши и в пишущем перу поэта кроется звон, а радость всегда – звонкая. Звон у поэта никогда не изображается как нечто эфемерное, сиюминутное, что возникает и тут же исчезает, рождается и умирает навсегда, – нет! – Звук в лирике Есенина обладает творческой способностью и мощью:

"На крепких сгибах воздетых рук
Возводит церкви строитель звук" (1, т. 1, с. 132).

Вся природа у Есенина проникнута непрерывным звоном, который как божественная энергия пронизывает ее, напоминает ей о вечности, очищает ее от всего наносного, не вечного, гармонизирует все ее проявления, все ее разнородные части в одном стремлении: музыкой, колокольным звоном выразить благодарение Творцу. И такой звон действительно способен стать творцом-строителем, преобразующим природу в храм Божий.

Вот в церкви зажигают лампы и свечи, а природа-храм в образном мире поэта затепливает свои светильники:

"На подвесках из чистого золота
Закачались лампы небес" (1, т. 2, с. 16).

Как тут не вспомнить Ломоносова, который сравнил с лампадой дневное светило:

"О, коль пресветлая лампада
Тобою, Боже, возжена
Для наших повседневных дел,
Что Ты творить нам повелел" (8, с. 204).

Природа зажигает свечи, приносит Богу дар всежжения.

Такой "космической свечой" может быть звезда:

"Свечкой чисточетверговой
Над тобой горит звезда" (1, т. 1, с. 152).

или:

"Синюю звездочку свечкой
Я пред Тобой засвечу" (1, т. 2, с. 51).

Но у Есенина как будто вся природа стремится принести себя в дар Богу, все деревья – стать свечами, сгореть в любви и теплом чувстве ко Творцу:

"На бугре береза-свечка
В лунных перьях серебра" (1, т. 1, с. 66).

и снова:

"То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной" (1, т. 1, с. 163).

Подобные мотивы нередко можно найти у Клюева:

"В златотканые дни Сентября
Мнится папертью бора опушка,
Сосны молятся, ладан куря,
Над твоей опустелой избушкой" (7, т. 1, с. 217).

В начале богослужения в церкви совершается каждение храма священником или дьяконом. Природа-храм параллельно совершает то же служение своими средствами:

"Запах ладана от рощи ели льют" (1, т. 1, с. 75).

Причем, каждение у поэта понимается и в прямом, и в переносном смыслах. Эффект каждения вызывает и смолистый запах хвойных деревьев (смола составляет основу ладана), но это может быть и

сам процесс каждения, – приношение Богу жертвы благоухания и, также как в случае со свечами, – жертвы всесожжения.

"Закадили дымом под росой рожи...
В сердце почивают тишина и мощи" (1, т. 1, с. 83).

У Клюева мы находим не менее яркий образ:

"Как игумен в куколе,
вечер, взяв кадилницу,
Складню рощ финифтяных
ладаном кадит" (7, т. 1, с. 387).

"Материалом" каждения у Есенина могут стать и листья:

"За прощальной стою обедней
Кадящих листвою берез" (1, т. 1, с. 161).

В природе совершается богослужение по типу храмового и нередко вплоть до мельчайших деталей. Можно пойти в церковь, но можно выйти на природу и, присмотревшись, обнаружить, что природа – тоже церковь, в которой совершается весь круг богослужений. Суточный круг начинается вечером и вся природа созывается на вечернее богослужение:

"Черная глухарка
К Всенощной зовет" (1, т. 1, с. 78).

Человек тоже может включиться в это космическое богослужение:

"Я пришел к твоей Вечерне,
Полевая глухомань" (1, т. 1, с. 128).

В лирике Клюева схожие мотивы выражены не менее своеобразно:

"Лесные сумерки – монах

За узорчным Часословом,
Горят заставки на листах
Сурьюмою в золоте багровом" (7, т. 1, с. 311).

В начале Всенощной или Вечерни читается 103-й псалом, называемый поэтому предначинательным. И вот у Есенина:

"У лесного аналоя
Воробей Псалтырь читает" (1, т. 1, с. 95).

В конце вечерни совершается особое моление – Лития, которая происходит в притворе храма, среди верующего народа; эта молитва как бы выходит из алтаря, расширяет поле своего действия, и у поэта мы читаем:

"Мир вам, рощи, луг и липы,
Литии медовый ладан" (1, т. 1, с. 126).

Природа не пропускает ни одной службы. Утро начинается белым перезвоном берез, а затем следует главная часть богослужения – Литургия, в народе называемая также обедней.

"На дворе обедню стройную
Запевают петухи" (1, т. 1, с. 89).

Но своя литургия совершается и в лесу:

"И по кустам межи соседней
Под возглашенья гулких сов,
Внимаю, словно за обедней,
Молебну птичьих голосов" (1, т. 4, с. 123).

Здесь изображение "природной" службы картинно и детально: у поэта имеется в виду ектения, когда диакон подает возгласы-прошения, а хор отвечает. И вот в стихотворении диаконское служение берут на себя совы, а птицы поют в ответ как клироша-

не, певчие.

Обычно после Литургии верующий народ расходится не сразу, священники начинают совершать требы – частные богослужения – молебны, панихиды и др. То же происходит и в природе, например:

"Звонки ветры панихидную поют..." (1, т. 1, с. 73).

Природа в ранней лирике Есенина вся пронизана богослужением: от небес до земли, от звезд до травы все на свой лад, в разных формах непрерывно служит Творцу. Природа как бы следует в своем "космическом богослужении" за храмовым человеческим богослужением, понимая, что спасение ее зависит от спасения человека. Но, с другой стороны, природа своей чистотой, постоянством, ведет его за собой, помогает ему на пути общего преображения и спасения.

* * *

"Я, странник убогий,
Молюсь в синеву,
На палой дороге
Ложусь в траву.

Покоюся сладко
Меж росновых бус;
На сердце лампадка,
А в сердце Иус" (1, т. , с. 91).

Природа настолько воцерковлена у Есенина, настолько пронизана богослужением, настроена литургически, что в ней можно молиться, как в храме:

"Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья" (1, т. 1, с. 93).

На первый взгляд эти строки ("Молюсь в синеву", "молюсь на алы зори") могут вызвать сомнение, вопрос: уж не язычник, не идолопоклонник ли автор?! Но вчитываясь в другие стихи, раскрывая смысл есенинской "космической литургии", видим, убеждаемся, что от язычества это далеко. Можно ли молиться "на алы зори"? – Все зависит от того, что понимает Есенин под "зорями". В другом месте поэт пишет:

"Заря молитвенником красным
Пророчит радостную весть" (1, т. 1, с. 154).

Как видим, заря не объект молитвы, а только посредник – молитвенник, она – одно из связывающих звеньев между человеком и Богом. Молиться (но не поклоняться) заре можно в том случае, если человек, глядя на ее красоту, ее неземные краски, вспоминает о Творце, и молитва как бы *сквозь зарю* восходит к Богу.

В природе поэта совершается непрестанная молитва. Молятся деревья, травы, цветы, даже дожди:

"Но мелкий дождь своей молитвой ранней
Еще стучит по мутному стеклу" (1, т. 1, с. 114).

И молитва человека органически входит в эту всеобщую природную космическую молитву, одна другую сменяет, одна в другую перетекает, одна с другой сливается:

"Есть нежная кротость, присев на порог,
Молиться закату и лику дорог" (1, т. 4, с. 134).

Там – молитва рассвету, наступлению дня, молитва Богу о даровании всякого благополучия на день грядущий, здесь – молитва закату, благодарение Бога о благополучном завершении еще одного дня. И в этом же смысле, как например у Достоевского, вернее, у некоторых его героев, мы находим у Есенина идущее еще от древнейших времен, воспетое в былинах и духовных стихах, особое отношение к земле:

Прости, питомая, сердешная, грешную! Аминь.
 Не гребнем тебя чесала – бороной скребла,
 Прости, питомая, грешную! Аминь.
 Исус Спас, Христос Царь Небесный,
 Мать Честная Богородица,
 Пророк Христов Илья хвальной,
 Егорий воин храбрый, –
 Простите рабу грешную,
 Что докучала сырой земле,
 Всему светушку, людям добрым,
 Во веки веков. Аминь" (14, с. 174).

В статьях о духовных стихах и в комментариях к ним нередко встречается унаследованное от XIX века (но уже тогда же отвергнутое им – см. подробнее 18, с. 17) мнение, согласно которому на Руси существовала "народная вера" (нашедшая выражение в духовных стихах), противостоявшая "официальному православию", "церковным догмам". В духовных стихах ищут языческие, еретические (манихейские или богомильские) взгляды и приводят их в качестве свидетельства такого противостояния (см. например, 14, с. 19, 25, 26; и 16, с. 9). Из приведенного стиха видно, насколько христианизировано это покаяние перед землей и перечнем грехов, и молитвенной концовкой, обращенной к Богу, Богородице и святым. Если вспомним, что, по словам апостола Павла, вся природа стонает и мучается невинно вследствие грехопадения первого человека, то это покаяние (внутреннее сознание своей вины перед природой, усугубленной многовековым пребыванием в грехе и "покорением природы", т.е. настоящей войной против нее) вполне уместно. И у Есенина, как и в духовном стихе, оно естественно вытекает из христианского отношения к природе, к миру вообще, и не перерастает в некий языческий ритуал.

* * *

Природа не отделена и не может быть отделена от Бога.

Деизм верит в Бога Творца, но отрицая Божественный Промысл, действующий в мире, разverzает пропасть между Творцом и творением. Пантеизм – другой полюс. Растворение Бога в природе – это отождествление Творца и творения. Для Христианства не приемлема ни та, ни другая точка зрения. Бог – Творец мира, но Он же и Промыслитель. Он – Творец, и это исключает смешение Его с творением (против пантеизма). Он и Промыслитель, Он не оставил мир, и мир движется по законам, установленным Творцом (против деизма). Бог через свои божественные энергии присутствует в своем творении, Он не отождествляется с ним, но и не замыкается в своей трансцендентности. У Есенина эта идея по-разному (живописно или иконописно) выражена во многих стихах.

"Ночь и поле, и крик петухов...

С золотой тучки глядит Саваоф" (1, т. 1, с. 111).

Господь не оставил сотворенного Им мира. Другое дело, – сам человек настолько удалился от Бога, что не только не видит Творца так, как видел Его Адам до грехопадения, но даже отрицает Его существование. И все же вера открывает у человека духовное зрение:

"Вижу Тебя из окошка

Зиждитель щедрый,

Ризою над землею

Свесивший небеса" (1, т. 2, с. 46).

Эти строки навеяны поэту Псалтырью: "...Небеса – дело рук Твоих... Они как ризы обветшают, и, как одежду, Ты переменишь их, – и изменятся" (Пс. 101:26–27).

Не только Отец промышляет о мире. Также и Христос призывает сверху на свое стадо:

"Плывет на тучке Превечный Сын" (1, т. 4, с. 137).

Сын – Богочеловек, и у Есенина именно поэтому и после Вознесения к Отцу Христос невидимо присутствует на земле. Об этом

свидетельствует природа:

"Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком в кольце иголок,
Мне мерещится Исус" (1, т. 1, с. 96).

Если же мы не видим всеприсутствия Христова, то это не значит, что оно вымысел, это значит, что наши духовные очи еще не открылись. Вспомним пушкинского "Пророка". Шестикрылый Серафим открывает глаза поэту, дает ему духовное зрение – "вещие зеницы", которые позволяют ему видеть то, что недоступно другим. Так и у Есенина:

"Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным
И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримоу Христу" (1, т. 1, с. 87).

Христос завещал своим ученикам, всем христианам жить в чаянии Своего Второго Пришествия в конце времен. Обращаясь к художественной литературе, мы видим, как поэты и писатели в своих произведениях нередко художественно "ускоряли" приход Спасителя, их интересовало, что сказал или сделал бы Христос, увидев современный мир. Может быть, самым известным художественным экспериментом подобного рода является легенда "Великий инквизитор" Достоевского.⁴ Постановка проблемы,

---

⁴ Иван Карамазов делает следующее "литературное предисловие" к своей поэме "Великий инквизитор": "...Слезы человечества восходят к Нему (Христу) по-прежнему, ждут Его, любят Его, надеются на Него, жаждут пострадать и умереть за Него, как и прежде... И вот столько веков молило человечество с верой и пламенем: "Бог Господь, и явися нам", столько веков взывало к Нему, что Он, в неизмеримом сострадании Своем, возжелал снизойти к молящим. Снисходил, посещал Он и до этого иных праведников, мучеников и святых отшельников еще на земле, как и записано в их "житиях"... И вот Он возжелал появиться хотя на мгновенье к народу

разработка темы в этом случае идет обычно в русле теодицеи. У Есенина Христос тоже "зримо" приходит в мир, принимая какой-либо образ, чаще – нищего. Здесь несомненно влияние фольклора, народного религиозного мировоззрения, духовных стихов. Народное сознание "сводит" Христа на землю, чтобы он ближе познакомился с нуждами, бедами, скорбями людей; по духовным стихам видно, как необходимо человеку сознание того, что Христос видит и слышит страдания человеческие. Он не глух к ним, и если медлит прийти и помочь, то значит в этом есть воля Божия. Тут разработка темы имеет в своей основе не теодицею (как в изящной словесности), а стихийный, народный христианский анти-деизм: пусть Христос не помог мне в моей скорби (ведь Он лучше знает, что мне полезно), но я верю, что Он меня не оставил и не оставит, что Он ходит среди нас, Он живет с нами, живет нашими бедами. Он все видит, слышит и помнит; в день же Страшного Суда человеку откроется во всей глубине тайная благодать Божия.⁵ Эту тему мы встречаем у многих русских поэтов, но наиболее известное, даже классическое, стихотворение об этом находим у Тютчева:

"Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,

– к мучающемуся, страдающему, смрадно-грешному, но младенчески любящему Его народу" (5, т. 9, с. 311).

⁵ Эти настроения выражены в нескольких картинах Нестерова: "Святая Русь", "Путь ко Христу" и др. Английский писатель Стивен Грэм, посетивший Марфо-Мариинскую обитель в Москве, где находилось второе произведение художника – современника Есенина, так описывает его: "На поляне во всем своем стиле – характерный "бедный люд", коленопреклоненный, вглядывающийся во что-то, молящийся, плачущий. А среди березовых деревьев стоит окруженный сиянием Христос и принимает всех, кто к Нему идет. *Русский крестьянин верит* (а разве не верят Тютчев, Достоевский, Клюев, Есенин и многие другие писатели и поэты? – В.Л.), *что Христос ходит по его дорогам: "Небесный Царь пришел благословить нашу Матушку-Русь и идет, странствуя по нашей земле". – И он, действительно, прав, веря в это. Сама по себе эта мысль и дает идею о "Святой Руси"* (Цит. по 11, с. 150, см. также с. 128, 129; курсив наш – В.Л.).

В рабском виде Царь Небесный
Исходил благословляя" (16, с. 171).

Схожую идею выразил позже в стихотворении "Милость мира" Вячеслав Иванов:

"Единого разноглагольной
Хвалой хвалить ревнует тварь.
Леп, Господи, в Руси бездольной
Твой крест и милостный алтарь!

И нужен нам иконостаса,
В венцах и славах, горний лик,
И Матери скорбящей лик,
И лик нерукотворный Спаса.

Ему, Кто, зрак прияв раба,
Благий, обходит наши нивы, –
И сердца темная алчба,
И духа вещие порывы!..

Нет, Ты народа моего,
О, Сеятель, уж не покинешь!
Ты богоносца не отринешь:
Он хочет ига Твоего!" (19, т. 1, с. 555–556)

У Вячеслава Иванова это особое отношение, внимание к Руси (если не сказать "избранничество") дополняется важным мотивом: оно не награда, а "иго". Быть избранным – почетно, но самому избраннику следует воспринимать избранничество не как право и привилегию, а как обязанности и ответственность перед Богом и людьми. Вспомним Евангелие: "Возьмите иго Мое на себя, и научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем" (Мф. 11:29). Особое внимание Божие к себе народ, страна, человек *должны* воспринимать как иго и, малого того, должны *хотеть* этого ига, т.е. принимать его на себя добровольно.

У Есенина эти настроения выражены, например, в стихотворении "Шел Господь пытаться людям в любви..." (см. 1, т. 1, с. 86), в котором Христос в образе нищего идет по дороге, и старик без просьбы отдает ему свой последний кусок хлеба. Но самое интересное, пожалуй, в этом плане следующее стихотворение поэта:

"Не ветры осыпают пуши,
Не листопад златит холмы,
С голубизны незримой кущи
Струятся звездные псалмы.

Я вижу – в просиничном платё,
На легкокрылых облаках.
Идет возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.

Она несет для мира снова
Распятъ воскресшего Христа:
"Ходи, мой Сын, живи без крова,
Зорюй и полднью у куста".

И в каждом страннике убогом
Я визнавать пойду с тоской,
Не помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях – крылья херувима,
А под пеньком – голодный Спас" (1, т. 1, с. 88).

Здесь у поэта сразу несколько важных мотивов. Богородица вновь приносит Своего Сына в мир для распятия. Возможно, этот мотив навеян сказанием об иконе Богоматери "Нечаянная радость". В нем говорится об одном грешнике, который перед тем, как идти на незаконное дело, всегда молился пред иконой Бого-

роdiцы. И вот однажды открылись раны на теле божественного Младенца и из них потекла кровь. Человек тот от страха вскрикнул: "О Госпоже, кто сия сотвори?" – И услышал в ответ: "Ты и прочие грешники грехами своими Сына моего распинаете!" Грешник тот после этого видения покаялся (см. 6, с. 395). Вот эта идея "соучастия" каждого человека своими грехами в распятии Христа была очень близка русскому сознанию. Есенин находит для ее выражения нужные слова и важные детали. Если первый раз Христа посылает Отец, то теперь Его приносит Мать: это Ее "возлюбленный" и "пречистый" (в Котором нет никакого греха) Сын. Она делает это по любви к человеку, из жалости к нему, в надежде, что человек оставит, наконец, грех, увидев вновь пришедшего для спасения Господа.

Христос посылается в мир в виде "убогого странника" (в "рабском виде", по Тютчеву, "зрак прияв раба", по Вячеславу Иванову), который живет без крыши над головой. Вспомним слова Спасителя из Евангелия: "Лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где преклонить главу" (Мф. 8:20; Лк. 9:58). Христос является в мир в уничиженном виде, как бы отсрочивая день Страшного Суда, давая человеку время и возможность покаяться.

Богородица несет для распятия "воскресшего" Христа, – исключительно важная деталь. Воскресение – это победа над смертью, это спасение; Апостол Павел призывает всегда помнить Христа *воскресшего* (2Тим. 2:8), призывает жить для *Воскресшего* (2Кор. 5:15). Воскреснув, Христос и всех людей со воскресил с Собой (Кол. 3:1). Тогда распинавшие не узнали Мессию и Спасителя, но теперь вдвойне страшно не узнать Его, ибо сейчас это значило бы распинать уже воскресшего и завершившего дело спасения рода человеческого Господа.

В последней строке поэт и говорит об этой опасности – не узнать "в тайный час" своего Спасителя, пройти мимо Него. Не менее остро этот мотив звучит у Есенина и позже:

"Верю я, как ликам чудотворным,
В мой потайный час.

Он придет бродягой подзаборным,
 Нерушимый Спас.
 Но, быть может, в синих клочьях дыма
 Тайноводных рек
 Я пройду Его с улыбкой пьяной мимо,
 Не узнав навек" (1, т. 4, с. 138).

В этих строках и жажда встречи со Спасителем, неизбывная потребность в Нем, и, с другой стороны, опасения не узнать Его, сомнения в своем духовном зрении, которое открывается только у тех, кто чист сердцем: "Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят" (Мф. 5:8).

В строфе из предыдущего стихотворения ("И в каждом страннике убогом...") выражена и другая идея, навеянная Евангелием. На Страшном Суде Господь поставит по правую руку от Себя тех, кто дал Ему есть, кто напоил Его, принял, одел, посетил в темнице, а по левую – тех, кто не сделал этого. Они же, удивившись, будут спрашивать Его, когда это было, на что Христос отвечает: "Так как вы сделали это одному из братьев моих меньших, то сделали Мне" (Мф. 25:40). Добро, которое делает один человек другому, "восходит" ко Христу, "переходит" на Него, ибо каждый человек сотворен по образу и подобию Божию (Быт. 1:26), а образ этот – Христос (2Кор. 4:4). Но преимущественно человек призван "замечать", помогать нуждающимся: голодным, жаждущим, бедным, больным. В этом смысле "голодного Спаса" человек может найти действительно в каждом человеке. За год до этого стихотворения в письме к другу Есенин восклицал: "Да ты посмотри, кто распинает-то? Не ты ли и я, и кого же – опять, меня или тебя" (1, т. 6, с. 29). Идея та же, евангельская: не сделал другому – распинаю его, а через него распинаю Христа, ибо Христос не отделяет себя от человека – Своего образа и подобия.

Присутствие Христово в этом мире создается поэтом также с помощью актуализации события. "Вход Господень в Иерусалим" – ежегодный праздник, называемый также "Вербным воскресеньем", но само событие, совершившееся в вечности и для вечности, имеет вневременное значение и ценность. Оно может быть

"вызвано" из вечности литургически, стать актуальным, свершающимся в данный момент в храме (вспомним, что в текстах праздничного богослужения, как правило, употребляется настоящее время: событие в храме не вспоминается, а "воспроизводится"). Поэт же совершает это силой своего поэтического дара, божественного вдохновения.

"Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов – как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо Его туманно,
Никнут сосны, никнут ели
И кричат Ему: "Осанна!" (1, т. 1, с. 95).

Господь совершает "Вход", но не в Иерусалим, а в природу Руси, чтобы призвать ее ко спасению, привлечь к Себе, и природа с покаянием (никнут сосны и ели) и благодарностью (осанна), как некогда народ у ворот Иерусалима (Мф. 21:10), узнает, принимает и приветствует Спасителя. (Обратим внимание и на уже знакомый мотив – боязнь не узнать Господа: едет "Кто-то", Его лицо "туманно").

Наконец, у Есенина встречается и еще один вид присутствия Христова в этом мире, – через Его святые иконы. Образы Спасителя и Богородицы с Младенцем – главные и любимые иконы как в храме:

"Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас" (1, т. 1, с. 92),⁶

---

⁶ В первом двустишии Спаситель, Его икона пахнет яблоками и медом. Почему? – Очевидно, Есенин имеет в виду два из трех августовских праздников, посвященных Христу: Изнесение древ Креста Господня (1/14 авг.) и Преображение

так и в избе:

"А Христос сидел на руках у Матери
И смотрел с иконы на голубей под крышею"
(1, т. 2, с. 25).

Тема Руси-России у Есенина обширна и требует особого изучения. Здесь коснемся ее только в той мере, в какой она связана с "космической литургией". Как уже отмечалось, в поэзии Есенина природа и мир живут в двуединстве видимого и невидимого. Невидимый мир своим присутствием в видимом освящает его, преображает, делает "пригодным" для вечности, и время исчезает. А у поэта появляется возможность выявить и изобразить это двуединство художественными средствами. Оно создается с помощью совмещения географических мест: древней Палестины, места земной жизни Христа, и современной поэту России. Мамврийский дуб, под которым Авраам оказал гостеприимство Святой Троице, перемещается в Россию, и вместо Авраама поэт видит под ним своего деда:

"Под Маврикийским дубом
Сидит мой рыжий дед..." (1, т. 2, с. 37).

И в самом пейзаже древней Палестины и Руси поэт видит "родственность":

"Древняя тень Маврикийи

(6/19 авг.). В народе их называют Первый или медовый Спас (впервые пробуется мед нового сбора) и Второй или яблочный Спас (разговление яблоками). А есть в августе (16/29) еще и третий Спас. И как много говорят эти две строки русскому сердцу. Одно из великих православных торжеств – празднование явления ученикам нетварного фаворского света – пахнет простыми земными яблоками. Так у Есенина опять соединяются два мира.

Родственна нашим холмам" (1, т. 2, с. 50).⁷

Когда поэт пишет о будущем, о грядущем обновлении мира, опять у него возникают библейские географические мотивы:

"Новый над туманом
Вспыхнет Назарет" (1, т. 1, с. 135).

Поэт хочет как бы "переселить" всю Палестину в Россию, освятить Русь теми местами Святой Земли, которые столь дороги каждому верующему сердцу, которые привлекают паломников со всех концов огромной Руси. Это стремление соединить разделенное в пространстве и во времени мы находим, например, в житии прп. Серафима Саровского, который, возможно, в подражание патриарху Никону, назвал многие места своей "пустыньки" евангельскими именами: Назарет, Иерусалим, Вифлеем, Фавор, Кедрский поток, река Иордан и др. (см. 4, с. 50).

Русь у поэта, как и мир в целом, двуедина: она в одно и то же время и вечная Святая Русь, и видимая грешная, даже больная Россия. Поэтическое зрение и прозрение поэта позволяют ему увидеть и воспеть райскую Русь, запредельную, заоблачную:

"Осанна в вышних!
Холмы поют про рай.
И в том раю я вижу
Тебя, мой отчий край" (1, т. 2, с. 37).

Это видение Руси святой было бы иллюзией или галлюцинацией, если бы никак не было связано с реальной действительностью, но у поэта происходит сошествие небесной Руси на землю:

---

⁷ "В ключах Марии" Есенин так объясняет этот образ: "...Мы есть чада древа, семья того вселенского дуба, под которым Авраам встречает Св. Троицу" (1, т. 5, с. 170, см. также с. 169).

"О Русь, Приснодева,
 Поправшая смерть!
 Из звездного чрева
 Сошла ты на твердь" (1, т. 2, с. 39).

Так две Руси – святая небесная и грешная земная – соединяются. И именно это соединение служит залогом обновления и преобразования Руси, оно есть необходимое условие исполнения Русью Божиего замысла о ней и своей исторической роли.⁸ Соотношение святой и грешной Руси проведено у Есенина по аналогии с православным учением о человеке. Святая Русь – это как бы "образ Божий" истинной Руси в ее предвечном замысле, а земная Русь – как бы человек в его грехопадении, утеравший божественное подобие, но помнящий о своем высоком божественном призвании. Бог Отец, Его Превечный Сын, Дух Святой, Богородица, святые "навещают" Русь, напоминают ей о ее призвании, помогая ей исцелиться от духовных недугов:

"Встань, пришло исцеленье,
 Навестил тебя Спас" (1, т. 1, с. 130).

Святые же не только навещают, но и "живут" на Руси:

"Край родной! Поля как святцы..." (1, т. 1, с. 325).

---

⁸ При таком понимании темы Руси по-другому воспринимаются знаменитые строки поэта:

"Если крикнет рать святая:
 "Кинь ты Русь, живи в раю!"
 Я скажу: "Не надо рая,
 Дайте Родину мою" (1, т. 1, с. 92).

Это не отрицание рая, не ценностное противопоставление Руси и рая – ведь он тайно и таинственно уже живет в глубинах Руси, – а нежелание войти в рай в одиночку; надо "выявить" рай уже наличествующий в духовном теле Руси, восстановить ее истинный Лик, вместе с Русью возвыситься до рая.

Святцы – это перечень святых в порядке празднования или чествования их памяти согласно церковному календарю. Поля, как страницы большой книги, исписаны у поэта именами святых, которые освятили русскую землю вначале своим житием на ней, а теперь освящают своим невидимым (для большинства, но не для поэта) присутствием и молитвами.

Наладить постоянную взаимосвязь между миром сим и миром иным помогают ветхозаветные персонажи. Они сходят со страниц Библии – этой словесной иконы всемирной истории – и принимают деятельное участие в крестьянской жизни:

"И мыслил, и читал я
По Библии ветров,
И пас со мной Исайя
Моих золотых коров" (1, т. 1, с. 147).

Но особенно часто у Есенина "включаются" в эту жизнь новозаветные лица. Прежде всего это Пресвятая Богородица:

"Кроют зори райский терем,
У окошка Божья Мать

Голубей сзывает к дверям
Рожь зернистую клевать" (1, т. 2, с. 14).

Богородица у поэта естественно входит в этот мир, она занимается повседневными, самыми будничными делами, как все крестьянки, и тем самым освящает своим присутствием весь уклад крестьянской жизни, весь деревенский быт. И поэт поет:

"О том, как Богородица,
Накинув синий плат,
У облачной околицы
Скликает в рай телят" (1, т. 2, с. 45).

Мотивы, не только схожие, но совпадающие, и даже пред-

шествующие есенинским, мы нередко встречаем у Клюева:

"Весь день поучатся правде Твоей,
Как вешнюю озимь, ждать светлых гостей,
В раю избяном, и в затишьи гумна
Поплакать медово, что будет Она.

Задремлетя деду, лучина замрет –
Бесплотная гостья в светелку войдет,
Поклонится Спасу, погладит внучат,
Как травка лучу, улыбнется на Плат..." (7, т. 1, с. 385).

Отметим, что и себя лично Есенин чувствовал под особым покровительством Божией Матери:

"Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов,
Я поверил от рожденья
В Богородицын Покров" (1, т. 1, с. 96).

Вторым после Богоматери покровителем крестьянской жизни, патриархального быта у Есенина изображается свт. Николай Угодник. Он так же нисходит в этот грешный мир, ему тоже как бы недостаточно того покровительства, которое он может оказывать, пребывая в Царстве Небесном. Как в духовных стихах, поэт сводит "Миколу" на землю, одевает его в крестьянские одежды, заставляет помогать страждущему люду конкретно, видимо, осязаемо.

"В шапке облачного скола,
В лапоточках, словно тень,
Хотит милостник Микола

Мимо сел и деревень" (1, т. 2, с. 11).⁹

Святые настолько близки к Богу, что могут "разговаривать" с Ним, как говорил с Богом Адам. И именно святые, в данном случае свт. Николай Угодник, являются свидетелями непрерывной связи человека с Богом:

"Ходит странник по дорогам,
Где зовут его в беде,
И с земли гуторит с Богом
В белой туче-бороде" (1, т. 2, с. 11).

Тут же у поэта выясняется, что святитель Николай ходит по земле не только по своей воле. Его помощь – знак милости Божией, а он лишь посланец, посредник:

"Говорит Господь с престола,
Приоткрыв окно за рай:
"О мой верный раб, Микола,
Обойди ты русский край.

Защити там в черных бедах
Скорбью вытерзанный люд,
Помолись с ним о победах
И за нищий их уют" (1, т. 2, с. 12).

---

⁹ Нередко в комментариях к этому стихотворению противопоставляют некоего "церковного" святителя Николая и есенинского (а также "народного") Миколу (см. например, 2, с. 13). И здесь, как нам представляется, играет роль неверное мнение об "оппозиционности" народной веры "официальному православию". Достаточно взять житие святителя Николая Мир Ликийских Чудотворца или жития других святых, чтобы убедиться, что противостояния двух образов (народного и "официального") нет. Духовный стих, как мы видим это и у Есенина, иногда значительно сокращает "дистанцию" между Богом и человеком, человеком и святым, но граница святости остается нерушимой, благочестие и почитание святого налицо, и говорить и противопоставлении или противостоянии не приходится.

И святой – "слуга давнишний богов" – ходит по русской земле, защищает, исцеляет, призывает падших ко спасению, открывает человеку "белую лестницу", ведущую в райский сад. А там:

"На престоле светит зорче
В алых ризах кроткий Спас,
"Миколае-чудотворче,
Помолись Ему за нас" (1, т. 2, с. 14).

Характерная концовка. Повествовательный рассказ о "хождении" святого по Руси переходит в молитву к нему.

Святые, как и Богородица, не совершают у Есенина каких-либо неожиданных чудес (чудо — уже само их явление), но участвуют в повседневном необходимом крестьянском труде:

"С дудкой пастушей в ивах
Бродит апостол Андрей" (1, т. 2, с. 49).

Они входят не только в природу, но и в дом, в избу. Святые невидимо, но реально, или видимо и так же реально — своими иконами, "присутствуют" в повседневной жизни семьи. Местом их пребывания является прежде всего "красный угол", божница. В одном из стихотворений поэт начинает описание Руси именно с этих двух реалий: дом – красный угол.

"Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа..." (1, т. 1, с. 92).

Иконы – бесспорное украшение избы, ведь "красный" означает "красивый", но, главное, иконы – святыня избы, ее защита, место молитвы и окно в небо, духовное окно в невидимый мир, в Царство Небесное. Жизнь в избе для простолюдина, по Есенину – это служение "избяной литургии" (1, т. 5, с. 175). Глубокая идея и необычное словосочетание! "Избяной литургии" свойственно чувство всеприсутствия Божия через освящение быта до мельчайших его деталей. В "Ключах Марии" Есенин подчеркивает: "Мы заставили

жить и молиться вокруг себя почти все предметы"; и далее: "Если б хоть кто-нибудь у нас понял в России это таинство (избяную литургию – В.Л.), которое совершает наш бессловесный мужик, тот с глубокой болью почувствовал бы мерзкую клевету на эту мужичью правду всех наших кустарей и их приспешников. Он бы выгнал их, как торгующих из храма, как хулителей на Св. Духа..." (1, т. 5, с. 172). Для поэзии Есенина, как и Клюева, характерно взаимопроникновение космической и избяной жизни, переплетение космической и избяной литургии: изба приобретает космические масштабы. "Изба простолюдина – это символ понятий и отношений к миру, – пишет поэт. – ...*Красный угол*, например, в избе есть уподобление заре,¹⁰ *потолок* – небесному своду, а *матица* – Млечному Пути" (1, т. 5, с. 174, курсив Есенина – В.Л.). В этой избе соединяются Вселенная и вечность, космос становится одной огромной, но уютной, обжитой Избой:

"Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг", – пишет Есенин.
(1, т. 1, с. 118).

Святые активно участвуют в этой "избяной литургии", они не просто "присутствуют" своими иконами, но и живут жизнью хозяев дома: вместе с ними радуются и плачут, одобряют их действия и тогда помогают или, наоборот, предостерегают, когда нужно.

"В лунном кружеве украдкой
Ловит призраки долина.
На божнице за лампадкой

---

¹⁰ Здесь мы находим еще одно объяснение, почему у Есенина можно молиться "на алы зори". Если космос – это Изба, а изба – это Космос (точнее было бы микрокосмос); то молясь заре, человек стоит как бы в красном углу Избы и молится перед иконами.

Улыбнулась Магдалина...

Смерть в потемках точит бритву...

Вот уж плачет Магдалина.

Помяни свою молитву

Тот, кто ходит по долинам" (1, т. 1, с. 133).

Вот у внука нет способностей к учению (мотив, часто встречающийся в житиях), отрок "плохо решает задачи". Бабушка его молится святым, взывает о помощи:

"И за глухие поклоны

С лика упавших седин

Пишет им числа с иконы

Божий слуга – Дамаскин" (1, т. 4, с. 132).

А вот бабка и дед, прожившие вместе долгую жизнь. Но не дал им Бог внуков, а под старость так хочется понянчить малыша: ждут они его, ждут напрасно, грезят о нем и получают неожиданное утешение:

"Шлет им лучистую радость во мглу

Светлая Дева в иконном углу.

С тихой улыбкой на тонких губах

Держит их внука она на руках" (1, т. 4, с. 133).

Бог посылает человеку радость, но Он же посылает и скорбь. Бог оставляет человека на время, но Он же принимает его, как блудного сына, лишь только человек всем сердцем обращается к Богу. Бог не дал старикам внука (по какой причине, ведает только Он), но Он же посылает им в награду за тихое терпение и смиренное приятие воли Божией такого "внука", которого нет больше ни у кого: Иисус Младенец становится и их внуком, и их Покровителем.

Может быть, наиболее ярко присутствие святых в крестьянской патриархальной жизни изображено Клюевым:

"А Егорий Поморских писем
Мчится в киноварь, в звон и жуть,
Чтобы к стаду волкам и рысям
Замела метелица путь...

На речке в венце сусальном
Купальница Аграфёна.
В лесах горит огнепально
Дождевого Ильи икона...

Флору да Лавру работа –
Пасти табун во лесах, –
Оттого мужичьи ворота
В смоляных рогатых крестах" (7, т. 2, с. 312).

В покровительстве святых нуждается у Есенина и поэт: "...Луг художника только тот, где растут цветы целителя Пантелеймона" (1, т. 5, с. 185). Луг художника – это луг духовный, это вместе с тем и "Луг духовный" (собрание кратких повествований о жизни подвижников Палестины, Сирии и Египта, VII в.), который пользовался в России большой популярностью и был известен Есенину. Цветы св. Пантелеймона могут расти только на таком "лугу". Характерен и выбор святого: великомученик Пантелеймон – целитель не только телесных, но и душевных, духовных недугов, а в "Луге духовном" собраны повествования о многих других целителях душ. Поэт, своим словом воздействующий на души людей, сам должен быть духовно и душевно здоровым. Свои слова-цветы он должен собирать на лугу, освященном присутствием и молитвами святых. В "Отчем слове" Есенин с сочувствием цитирует изречение прп. Макария Желтоводского (XV в.): "Выбирайте в молитвах своих такие слова, над которыми горит язык (пламени – В.Л.) Божий, в них есть спасение грешников и рай праведных" (1, т. 5, с. 162). Эти слова Есенин применяет к литературе: такой выбор стоит и перед художником слова. Косвенно поэт даже сравнивает тут молитву с поэтическим творчеством и ставит первое в пример второму. За образец поэт

должен брать те произведения, "где мир слов... похож на какой-то вечно светящийся Фавор" (1, т. 5, с. 174). Итак, под покровительством св. великомученика и целителя Пантелеймона, на духовном лугу, где цветет святость, у подножия горы Фавор, излучающей нетварный свет, должен поэт искать, выбирать слова, над которыми горят язычки пламени, как горели некогда над апостолами при схождении на них Святого Духа, – таково, если суммировать творческое кредо Есенина, его представления об идеальном поэте.

Бесспорно, на многих есенинских религиозных стихах и целых поэмах лежит печать самых разнородных влияний, но как бы внимательно мы ни читали и ни оценивали поэзию Есенина с богословской точки зрения, мы не найдем в ней еретических мыслей и идей (кошунство – не ересь). Поэт с молоком матери впитал православное мировоззрение и выразил его в своих предреволюционных стихах (и во многих более поздних) с необычной ясностью, чистотой и силой. И его "космическая" и "избяная" литургия убедительно свидетельствуют об этом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есенин С.А. Собрание сочинений в шести томах. М., 1977–1980.
2. Сергей Есенин. Избранное. Л., 1970.
3. Божанствена Литургия светого апостола Иакова брата Божьего и првог епископа Јерусалимског. Београд, 1985.
4. Дивный Старец. Жизнеописание преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского и всея Руси чудотворца. Составил Виктор Афанасьев. М., 1993.
5. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10-ти томах. М., 1956–1958.
6. Земная жизнь Богородицы и описание святых чудотворных ее икон. СПб., 1898.
7. Николай Клюев. Сочинения, т. 1-2. Мюнхен, 1969.
8. Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л., 1986.
9. Творения преподобного Максима Исповедника. Книга 1. Богословские и аскетические трактаты. М., 1993.
10. Максимов С.В. Избранное. М., 1981.
11. Любовь Миллер. Святая мученица российской, великая княгиня Елизавета Федоровна. М., 1994.
12. Ókeresztény írók. Т. 1–13, Вр., 1980–1991.
13. Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы. М., 1988.
14. Стихи духовные. М., 1991.

15. Творения во святых отцах нашего Тихона Задонского. СПб., 1912.
16. Тютчев Ф.И. Сочинения в двух томах. М., 1984.
17. Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982.
18. Федотов Г. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М., 1991.
19. Вячеслав Иванов. Собрание сочинений. Брюссель, 1971.